

УБИЙСТВО РАСПУТИНА

По книгам:
Кн. Ф.Ф.Юсупов. Конец Распутина. – М.: «Отечество», 1990.
Пуришкевич В.М. Из дневника В.М.Пуришкевича. Убийство
Распутина.– М.: «Интерпринт», 1990.

Многие либералы, придворные и князья главное зло видели в Распутине, смерти которого желали.

План убийства сложился в голове князя Феликса Юсупова, который нашёл поддержку ещё 4-х людей, согласившихся принять в этом участие.

Распутина планировалось пригласить во дворец Юсупова, там отравить, а тело сбросить в воду.

Для этого Юсупов заводит со старцем знакомство и даже добивается его симпатии.

Постепенно Распутин заинтересовывается рассказами о жене Юсупова, с которой хочет познакомиться (но она в Крыму).

К сер. декабря заговорщики приступают к осуществлению своего плана, т.к. Пуришкевичу и доктору Лазоверту предстояло с санитарным поездом отправиться на фронт, а Великому князю Дмитрию Павловичу – в Ставку.

В ночь на 17 декабря 1916 г. они собрались в доме Юсупова и в подвале подготовили помещение.

Для убийства 3 из 6-ти пирожных было начинено цианистым калием, и ещё несколько порций было подготовлено для вина.

Юсупов и Лазоверт (в роли шофёра) должны были привести Распутина для встречи с женой князя, якобы вернувшейся из Крыма.

Остальные наверху должны были завести граммофон и создавать шум гостей (чтобы оправдать отсутствие хозяйки дома).

Между тем пирожные и вино должны были сделать свое дело.

Все шло по плану, но яд не действовал (старец говорил что у него першит в горле).

Распутин нервничал и все спрашивал, когда же спустится княгиня.

Через некоторое время Юсупов сказал, что гости уже расходятся и поднялся наверх.

Весть о том, что яд не сработал, всех сильно обескуражила – нервы были на пределе.

Тогда Юсупов взял револьвер и решил застрелить старца.

Когда он спустился, Распутин был бледен, но бодр – он говорил, что у него болит голова и жжёт в желудке, и потому попросил ещё вина.

Через некоторое время, собравшись духом, Юсупов выстрелил в старца (пуля прошла навылет в области сердца).

После убийства все вновь собрались наверху, чтобы завершить свой план.

Поручик Сухотин должен был одеть шубу Распутина и изобразить его отъезд, а доктор Лазоверт, после того как сыграет опять роль шофёра, должен был сжечь одежду старца в топке санитарного поезда.

Феликс Юсупов спустился вниз и наклонился над мёртвым телом, но тут мертвец открыл глаза и схватил князя за горло, повторяя: «Феликс, Феликс...».

Князю удалось вырваться и в ужасе он закричал: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив!, он убегает!».

Когда Пуришкевич сбежал вниз, Распутин уже бежал через снег к воротам – два выстрела прошли мимо (Пуришкевич даже укусил себя за кисть, чтобы сосредоточиться, и 3-ий выстрел попал в спину).

Распутин ещё полз к воротам и подбежавший Юсупов стал с остервенением бить его носком в висок (лицо князя дергалось и он, по словам Пуришкевича, повторял только одно слово: «Феликс, Феликс...»).

На месте убийства была застрелена собака (чтобы объяснить следы крови на снегу), но выстрелы слышали, а тело видел городской, который обещал молчать, пока его не спросят.

Тело завернули в материю и отвезли на мост, где и утопили в проруби.

Затем все разъехались и занялись своими делами – на следующий день санитарный поезд отправлялся на фронт.

Тело Распутина, вмёрзшее в лёд, нашёл полицейский, в чьих обязанностях был обход прорубей.

Следы преступления были так плохо замечены, что вскоре весь Санкт-Петербург знал, кто убил Распутина, и славил этих людей, хотя Юсупов и Великий князь публично отреклись от этого дела.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна даже прислала Великому князю Дмитрию Павловичу телеграмму с поздравлением и благословением их патриотического поступка.

Так что искать убийц было очень легко.

Но в открытую наказывать убийц Николай II не стал, т.к. общество было на их стороне.

Пуришкевич и Лазоверт были уже на фронте.

Юсупова сослали в его имение в Курскую губернию, а Великого князя Дмитрия Павловича отправили служить в Персию (что во время революции и спасло ему жизнь).

Причём многие считали, что внутри души император даже был рад, что с его плеч сняли тяжесть, которую он сам не в состоянии был сбросить.